

земфирино счастье

СЕРГЕЙ ПОЛотовский

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В петербургском Ледовом дворце прошел аншлаговый концерт Земфиры. Зал ломился, дети визжали, милиция была в меру сурова. Народная звезда проводила сеанс связи с народом.

Уже в метро по дороге к площадке все заполнили девочки смутного возраста и незавершенного среднего образования. «Мамина помада, сапоги старшей сестры». Переменяя глотки пива и нецензурную брань, рассказы бывалых и споры о том, с какой песни начнет петь Сама и какой закончит, дети новостроек вливались в спортивно-концертный дворец.

Словосочетание «полный зал» не скажет ничего. Аншлаг по-русски — это когда раскуплены все билеты плюс прошли все, кто смог. Перед началом концерта еще можно было как-то передвигаться по стадионному полю. Но как только на сцене появилась вся в черном девушка с челкой, «место» закончилось — так газ стремится заполнить все свободное пространство.

Земфира берет гитару и «тихим голосом поет». Начинает с «Траффика». Энергия заливает зал. Песни акцентированы светом. На сильных долях освещается все зрительское море. Ор оглушающе, прожекторы слепят, обрушиваясь в зал своими люменами и джоулями. Песни узнаваемы. По телевизорам под потолком стадиона, которые обычно ретранслируют концерт для сидящих на неудобных местах, даже крутят клипы на те же песни «в синхроне».

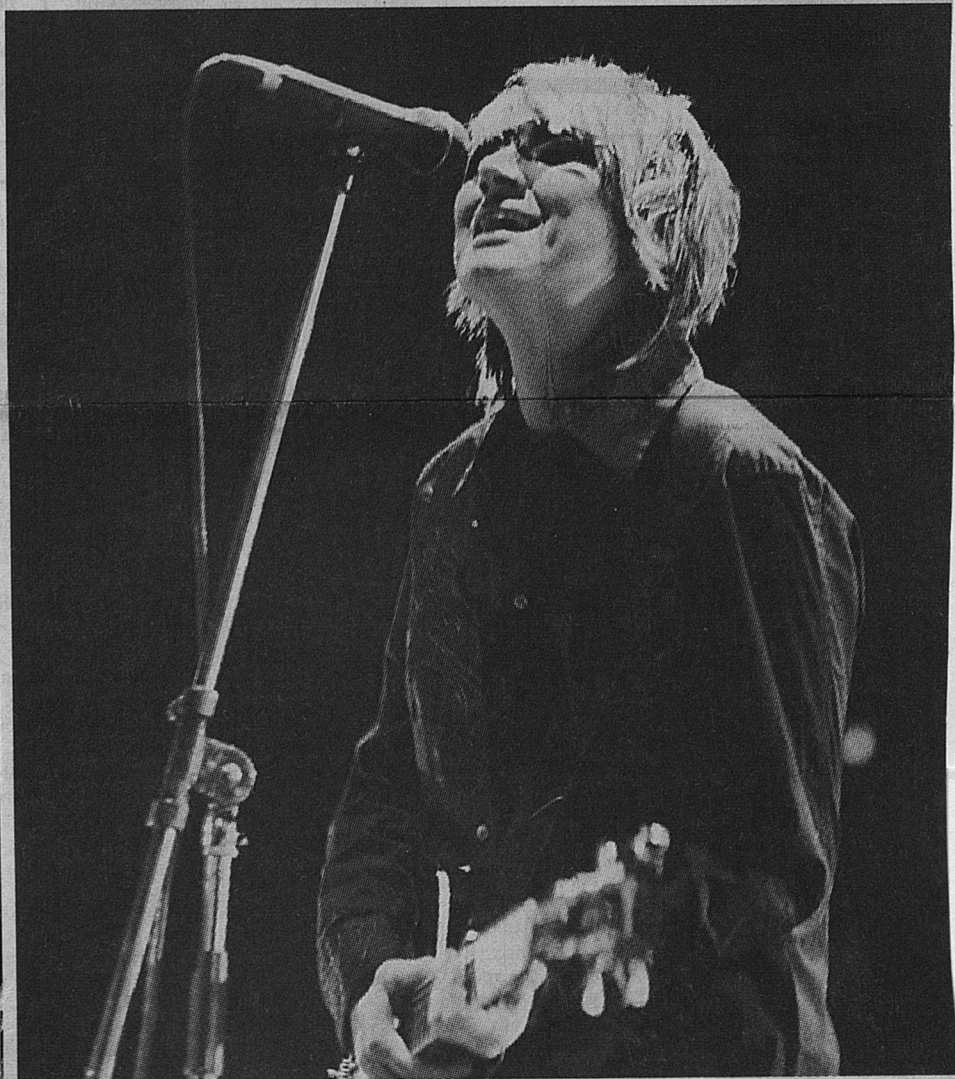
Земфира пропевает знакомые каждому строчки, не снимая черных солнцезащитных очков. Дело не только в прожекторах. Во-первых, рэйбены на рок-певце в любую погоду — это как искусственная слепота, добровольное ослепление — метафора оскотления, — призванное символизировать ранимость орфея. Во-вторых, это стена между «поэтом и толпой». Тяжело смотреть в глаза безумцам, беснующимся по твоей воле.

Успех любого рок-певца — маленькая социальная деформация индивидуального масштаба. Настроение толпы может лучше всего уловить кто-то такой же, как они: водитель грузовика Пресли, дворовый хулиган Синатра. (Рок-звезда не может быть намного умнее своей «паствы». Феномен БГ был возможен только в неестественно интеллектуализированном СССР.) Единица достигает заоблачных высот, чтобы «представить за своих». И тут начинается самое интересное и печальное: маленький мальчик/девочка из Ферганы, Уфы, Ньюкасла, взлетев наверх, меняется. Поначалу забавно: он и вилку-то с ножом держать не умеет, а ему на прием к королеве идти. Затем образуются новые знакомства, качественно другой круг общения. Меняются интересы. Иногда последнее, что связывает рок-звезду с былой средой, — пороки, островок «подлинности». Потом, наконец, все надоедает. Ну какая рок-звезда из, скажем, сытого, вальяжного, фешенебельного Макаревича.

Земфира продолжает пока «служить народу». Служить примером, утешением. «Она такая же, как мы», — думают восьмиклассники с сиреневыми тенями, пергидролем, полуфабрикатами, телерекламой и дешевыми сигаретами. Такая же некрасивая, хрупкая, но решительная, поборовшая судьбу.

В фойе пустынно. Каких-то пьяных подростков выводят под руки блюстители закона — дело молодое. В курилке несколько серьезного вида тридцатилетних мужиков дуют пиво — видимо, привели сюда юных подруг.

А в зале одна песня сменить спешит другую. Бас-гитарист, покачиваясь, атакует грифом зрительный зал. Земфира вертит перед носом микрофон, что твой Цой. Звучат танцевальные аранжировки, но никто не посмеет назвать их попсой. В этом деле важна интонация. Желательна своя и неповторимая. Как штрих Матисса или Пикассо — видишь одну линию и сразу узнаешь автора. Земфира такую интонацию нашла. Теперь можно накручивать все, что угодно: хоть брит-поп, хоть городской романс, хоть диско.

Земфира выступила в Петербурге перед публикой, забившей под завязку Ледовый дворец Фотограф: Михаил Разуваев/Газета